"Любая война - это симптом несостоятельности человека как мыслящего животного". - Джон Стейнбек

Когда крики наконец прекратились, а пожары начали утихать, когда дым и пепел начали медленно рассеиваться с острова Фемискира, Ипполита наконец нашла своего сына.

Кал стоял на горе человеческих трупов, с головы до пят покрытый таким количеством крови варваров, что казалось, будто он действительно купался в ней. В одной руке он держал дубину с черепом, покрытым кишками, а в другой - не менее жуткий темный меч, и стоял, готовый атаковать любого врага, оказавшегося поблизости. Вдох он делал по-звериному быстро, а его обычно прекрасные небесно-голубые глаза были темного зрачкового цвета и горели, как костры под Этной.

Ипполита услышала, как несколько ее сестер-амазонок испуганно вздохнули при виде кошмарного зрелища, представшего перед ними, и, словно спровоцированный этими незначительными звуками, звериный взгляд Кала устремился на группу женщин-воинов под ним с почти хищной сосредоточенностью, его адский взор, казалось, впивался в самые их души.

Амазонки тут же обнажили мечи, наложили стрелы, подняли копья и образовали оборонительную стену вокруг своей предводительницы. Все они были явно напуганы, но все же готовы были сражаться с этой новой страшной угрозой и защищать свою королеву любой ценой.

Ипполита знала, что этого никогда не будет достаточно, поэтому она обхватила рукой инкрустированный драгоценными камнями браслет, подаренный ей богиней так давно, и приготовилась изо всех сил надавить на зеленый кристалл внутри него.

Но зверочеловек, который когда-то был их принцем, не нападал, он просто стоял и смотрел на них со своей горы истребленных мародеров кроваво-красным взглядом, казалось, целую вечность, пока, наконец, учащенное дыхание Кала не стало нормальным, и он не начал моргать, когда его зрение прояснилось.

Ипполита смотрела, как по лицу ее сына катятся красные слезы, как Кал отчаянно пытается вытеснить кровь из глаз. После нескольких попыток его зрение наконец прояснилось настолько, что она увидела, как его горящие красные глаза медленно возвращаются к прекрасному голубому цвету, который она знала и любила снова.

Кал попытался сосредоточиться на матери и ее подругах-воительницах внизу, пока зрение медленно возвращалось к нему, и он почувствовал, что начинает успокаиваться от безумия битвы; стук в голове начал стихать, и он почувствовал, как кровь в его жилах остывает, как будто на него вылилась волна воды, а тьма, овладевшая им, отступила, как прилив.

Когда зрение окончательно прояснилось, он увидел, что они все еще готовы атаковать любую оставшуюся угрозу, как и он сам. Он уже собирался обратиться к ним, чтобы сообщить, что все

кончено и он в порядке, но остановился и посмотрел вниз, осознав, на чем именно стоит.

Наваленные под его ногами тела варваров, казалось, смотрели на него своими мертвыми и разрушенными лицами, даже те, у кого в полуразбитых черепах больше не было глаз, их взгляды были наполнены тем, что он мог назвать только чистым ужасом, и, несмотря на все еще кипящую ненависть к ним, Каль не мог не почувствовать холодный озноб, когда смотрел вниз на гору человеческих трупов, на которой стоял.

Этот холодок медленно превратился в ужасное чувство страха, когда Кал понял, что в одной руке он все еще держит черепную дубинку Геркулеса, а в другой - свой собственный темный меч Затмение; окровавленное и покрытое запёкшейся кровью состояние обоих оружий было гораздо сильнее, чем он мог вынести в этот момент.

Кал с отвращением опустил оба пропитанных кровью оружия на усыпанную тушами землю и, пошатываясь, поднял руки к лицу: они были в грязи и крови, а мелкие осколки костей и кусочки мозга цеплялись за ладони, как назойливые мухи-трупоеды.

Медленно оглядываясь по сторонам, Каль смотрел на окружавшие его разрушения: куда бы он ни посмотрел, он видел разрушенные здания, пропитанную кровью землю и все еще горящую листву. Королевство его матери было почти полностью сровнено с землей руками обезумевшего полубога Геркулеса, некогда прекрасный райский остров его племени превратился в горящие руины благодаря дикой жестокости братства варваров.

Его дом был почти полностью разрушен... отчасти его собственными руками... и Кал почувствовал тошноту от осознания этого.

Ипполита наблюдала за тем, как ее сын отвернулся и с отвращением выблевал всю пищу, съеденную им в тот день, сделав лишь небольшую паузу, чтобы глотнуть горького воздуха, после чего продолжил извергать из себя внутренности.

Вытерев лицо от остатков рвоты, которые могли прилипнуть ко рту, Кал медленно повернулся лицом к матери и ее воинам. Глаза его слезились от боли и недомогания, сильное тело казалось неестественно слабым и изможденным, он по-прежнему сгорбился от рвоты, а голова снова начала болеть от напряжения.

Амазонки, охранявшие свою королеву, напряглись в боевых стойках, когда их принц двинулся вниз с горы убитых людей, но Кал поскользнулся и потерял опору, упав с холма из человеческих тел на землю перед ними, не издав даже крика боли.

Долгое время Кал лежал там, где упал, уткнувшись лицом в грязь и кровь, прежде чем послышались отчетливые всхлипывания, а когда он наконец поднял голову, Ипполита увидела, что по лицу ее сына текут горючие слезы в таком количестве, что они начали смывать грязь с его лица, и внезапно перенеслась на много лет назад, где прекрасный голубоглазый младенец плакал у нее на плече, когда она утешала его в связи с потерей родителей.

Группа женщин-воинов осталась стоять на месте, наблюдая за тем, как их принц и чемпион рыдает на земле перед ними. Никто из них не двигался, никто не говорил, никто не знал, что делать в этой беспрецедентной ситуации.

Никто, кроме королевы, ибо если ее сестры видели либо чудовище-убийцу, либо страдающего принца, то Ипполита видела только своего сына. Она начала пробиваться через своих охранников, те пытались ее остановить, но Ипполита продолжала пробиваться мимо них, пока наконец не смогла броситься к своему сыну.

Кал услышал быстрые шаги матери, бегущей к нему. Он поднял голову, когда она опустилась перед ним на колени. За мгновение до этого он с благодарным криком бросился в ее объятия, и Ипполита только успела вовремя подхватить его.

"Все хорошо". Ипполита успокаивающе говорила Калу на ухо, прижимая его к себе, пока он продолжал плакать, не обращая внимания на кровь и слезы, которые начали пачкать ее доспехи. "Все хорошо, Кал".

"Н-нет, мама, нет... нет". Кал едва успел выдохнуть, как его рыдания внезапно усилились, и он еще глубже зарылся головой в ее шею.

Ипполита некоторое время ничего не говорила, просто обнимала сына, когда он плакал и рыдал у нее на плече, утешала его, когда он икал и трясся в ее объятиях на глазах у всех сестер посреди их разрушенного войной райского острова.

"Это будет Кал". Ипполита наконец сказала, оторвав его голову от своего плеча и вытирая пальцами слезы с глаз сына, как она делала, когда он был совсем маленьким. "Это будет мой маленький Фоллингстар".

К счастью, в этот момент пошел мелкий дождь, мелкие капельки успокаивающей воды смыли кровь битвы и пожары разрушений.

Мечта о рае умерла в этот день... но, к счастью, кошмар войны наконец-то закончился... по крайней мере, пока...

Приветствую читателей и авторов фанфиков, я надеюсь, что вам всем понравилась глава 1 "Супермен, сын Ипполиты": "Будущее - это пролог", и как вы, наверное, уже поняли, прочитав этот пролог, это будет не совсем обычная история о Супермене...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/105305/3720632